

Содержание

Майя Кучерская
Борьба с ангелом литературы

7

СОБОРЯНЕ

23

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Запечатленный ангел

375

Очарованный странник

447

Павлин

589

На краю света

662

Одному

735

Левша

770

Тупейный художник

806

БОРЬБА С АНГЕЛОМ ЛИТЕРАТУРЫ

По отцовской линии дед и прадед Николая Семеновича Лескова были священниками. Впрочем, отец писателя, Семен Дмитриевич Лесков, хотя и окончил семинарию, служить так и не стал — как потом заметил сам писатель, «по неодолимому отвращению к рясе». Когда Семен Дмитриевич сообщил родителям, что священником становиться не намерен, отец прогнал его из дома. С сорока копейками меди, поданными матерью через задние ворота, 20-летний юноша отправился из родного села Лески в Орел, где и поступил на службу в Орловский уездный суд. Там и началась его чиновничья карьера. «Левитский род Лесковых в селе Лесках пресекался, — написал позднее Лесков, — зато появился Лесков в орловском приказничестве».

Из Орла Семен Дмитриевич поехал служить на Кавказ, где занимался винными операциями, и вернулся в Орел в 1827 году с пятью тысячами ассигнаций и чином коллежского асессора, дающим право на потомственное дворянство. Теперь можно было подумать и о женитьбе. И в апреле 1830 года Семен Дмитриевич Лесков обвенчался с Марьей Петровной Алферьевой, девицей из небогатой дворянской семьи. В поздние годы Лесков писал о своем происхождении довольно жестко: «попы и дворянская захудаль».

Будущий писатель, первенец в молодой семье, родился 4 (16) февраля 1831 года в большом доме состоятельных родственников матери в селе Горохово. Вскоре после рождения сына Семен Дмитриевич снова поступил на службу, в Орловскую палату Гражданского суда, и раннее детство Лескова прошло в Орле, в купленном родителями большим деревянном доме.

Однако самые яркие детские воспоминания писателя были связаны не с городом. В январе 1839 года отец Лескова вышел в отставку. Причины внезапного ухода со службы так и не выяснены до конца. Лесков считал, что отец в нужный момент не поехал с визитом лояльности к губернатору, но эта версия не подтверждается фактами. Ясно одно: по каким-то, очевидно, вполне веским причинам Семен Дмитриевич оставил чиновничью карьеру, «рассердился, забредил... полями и огородами, купил хутор и пошел гряды копать» (письмо Н.С. Лескова – П.К. Щебальскому 16 апреля 1871 г.). Деревня, купленная отцом Лескова, называлась Панин Хутор. Новоявленный помещик взялся за незнакомое дело рьяно, но вскоре остыл. И вся эта романтическая затея кончилась печально: не приспособленный к сельским занятиям Семен Дмитриевич сник, заскучал, бросил борьбу с неурожаями и падежами скота и взялся за переводы Горация и Ювенала. Общаться с римскими классиками оказалось много приятней, чем с мужиками. Охлаждение к полям и огородам пришлось как раз на те годы, когда, как вспоминал Лесков, «матери нечем было платить за нас в училище, ни обувать наши ножонки (буквально)». Но Семен Дмитриевич от домашних забот отстранился, много читал, размышлял, тосковал и после пяти лет такой помещичьей жизни скончался.

Зато Лескову новая деревенская жизнь понравилась необычайно («восторгу моему не было предела») – место живописное, он жил на свободе, дружил с крестьянскими ребятами, ловил с ними пескарей в речке Гостомле, ходил в ночное. Именно в панинском доме Лесков читал первые свои книги и слушал страшные рассказы няни о жестокостях графа Каменского – в его театре няня была когда-то крепостной актрисой (отголоски ее истории звучат в «Тупейном художнике»). Бабушка Лескова по матери, Александра Васильевна Алферьева, большая любительница паломничеств по орловским монастырям, рассказывала внуку о виденных святых обителях, а еще о том, как она бежала с родителями, московскими купцами, из города во время войны с французами. Любил Лесков послушать и страшилки старого мельника, дедушки Ильи – тот был большим специалистом по русалкам, водяным и лешим. «Все эти живые и занимательные истории имели тогда для меня полную вероятность, и их густое, об-

разное содержание до такой степени переполняло мою фантазию, что я сам был чуть ли не духовидцем», — писал Лесков в автобиографической части рассказа «Пугало».

Многое из услышанного и увиденного в Панином Хуторе легло потом в основу ранних лесковских рассказов. А некоторые из них («Ум свое, а черт свое», «Житие одной бабы», «Язвительный») получили не ясный для широкого читателя, зато понятный для всех, кто знал о существовании прозрачной и узкой речки Гостомли, подзаголовок — «из гостомельских воспоминаний». Гостомельские деревеньки соседствовали с раскольничьими селами, и впечатления от знакомств с раскольниками тоже отозвались потом в «Запечатленном ангеле».

«Деревенские главы» биографии объясняют некоторую запальчивость тона молодого Лескова, писавшего в 1860-е годы: «Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе, на гостомельском выгоне, с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного, под теплым овчинным тулупом, да на замашной панинской толчее за кругами пыльных замашек, так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги».

В 1841 году вольная жизнь кончилась: Лесков поступил в Орловскую гимназию. Родители остались в Панином Хуторе, мальчика «поставили на квартиру» к повивальной бабке за небольшую плату. Успехи Лескова-гимназиста были умеренными. Сохранились экзаменационные ведомости о его успеваемости: «Закон Божий — 4, Русский язык — 3, Латинский — 3, Немецкий — 3, Французский — 3, Алгебра — 1, Геометрия — 4, История — 3».

Учили в гимназии по-старинному, в основном требуя бессмысленной зубрежки учебника. Процветали и телесные наказания. Между учениками и учителями простиралась пропасть. Писатель вспоминал, например, что преподаватель немецкого нередко на уроки «приходил в пьяном бешенстве» и колотил учеников линейкой. Единственное исключение составлял учитель Закона Божьего, протоиерей Ефимий Остромысленский — с ним Лесков переписывался до конца жизни и посылал ему свои книги.

После пяти лет учебы (в 3-м классе он просидел два года) Лесков покинул гимназию, несмотря на уговоры родителей. Извинения у него, конечно были: нравы в гимназии царили грубые, а ску-

ка и бессмысленность на уроках, наверное, и в самом деле казались непереносимыми. И все же о своем опрометчивом шаге писатель пожалел потом не раз. Он очень многое впоследствии наверстал, перечитал горы литературы по самым разным предметам, от истории церкви до немецкой философии, посещал лекции в Киевском университете, и тем не менее номинально навсегда остался с тремя классами образования. И то скрывал это как позор, то наоборот, со спесью подчеркивал, что «вполне самоучка».

Казалось бы, действительно жаль. По юношескому недомыслию, по слабоволию отца, по бессилию матери не закончил даже гимназического курса. Но вот парадокс: это сослужило Лескову и добрую службу. Закончи он гимназию, отучись в университете, скорее всего, такого необычного, странного, ни на кого не похожего писателя у нас не было бы. Из-за отсутствия системного образования он так и не стал «своим» в пространстве мировой культуры, как скажем, любимый им Толстой или Тургенев. Часто Лесков, кажется, просто не понимал устройства даже простейших механизмов искусства. Но это-то и заставляло его шагать напролом, прокладывая собственные тропы. Он совершал настоящие открытия, изобретая новые жанры, новый тип повествования. Просто потому, что не опирался на чужой литературный опыт, а строил собственную вселенную. Да, университетов Лесков не кончал, зато его жизненные университеты были такими, какие и не снились авторам первого ряда. Путь Лескова в литературе — это не что иное, как череда попыток конвертировать весь ворох впечатлений, всю эту страшно неправильную, зато живую русскую жизнь в художественную литературу.

Но вернемся к началу его самостоятельной жизни. Осенью 1846 года пятнадцатилетний Лесков отправился уже не в гимназию, а на службу. Протекция отца, сохранившего старые связи, помогла юноше устроиться в Орловской палате уголовного суда. Его зачислили писарем, с окладом 36 рублей серебряных в год. С точки зрения житейской, не так уж плохо (хотя сумма более чем скромная), в перспективе будущих писательских занятий — в общем, тоже. Судебные разбирательства — бесценный литературный источник, Лесков листает десятки уголовных дел, переписывает сотни криминальных историй. Дело о «подкинутом к дому Брагинского мещанина, Ефима Долинцева неизвестно кем муже-

ского пола младенца», «о краже золотого кольца», «о нанесении рядовому Мамонтову удара», «о намеревавшейся лишить себя жизни девке Филипповой», «о случившемся в доме мещанина Голикова пожаре», о краже... Впрочем, водя пером по бумаге, юный Лесков вряд ли подозревал, как все это ему пригодится, позевывал и поглядывал на часы.

А что за пределами службы? Развлечений в Орле было немного. Из основных — редкие пиры с приказными в трактире да встречи со старыми и новыми знакомыми. Чаще всего собирались у столоначальника Гражданской палаты Михаила Савича Мардовина. В его доме жила и Мария Александровна Вилинская (в будущем писательница Марко Вовчок). Часто бывал здесь и Афанасий Васильевич Маркович, знакомец Гоголя и Шевченко, сосланный в Орел.

Сам Лесков отзывался о встречах с Марковичем восторженно, говоря, что обязан тому «всем... направлением и страстью к литературе». В те же орловские годы подружился Лесков и с Василием Логиновичем Ивановым, мягким, деликатным и начитанным человеком. Иванов служил в Губернском присутствии, а со временем стал еще и литератором, начав сотрудничать с «Орловскими губернскими ведомостями». Все эти знакомства скрашивали орловскую жизнь, и все же Орел был Лескову тесен.

Семен Дмитриевич, отец Лескова, к тому времени уже скончался, да и не мог бы он, давно потерявший волю и вкус к жизни, помочь сыну вырваться из безысходности приказа. Роль доброго ангела сыграл дядюшка — брат матери Сергей Петрович Алферьев, профессор терапии Киевского университета. Он решил принять участие в судьбе племянника и пригласил его к себе в Киев. Осенью 1848 года Лесков покинул Орел.

Жизнь его мгновенно переменялась. Из провинциального Орла он попал в огромный, университетский, живописный — «чудный, странный, невероятный» — город. Немногочисленные орловские знакомства сменились бурным разнонаправленным общением. Благодаря дядиным знакомствам, Лесков общался и с университетскими профессорами, и со студентами, он вошел в философский «новозаветный» кружок студентов-медиков, где обсуждались труды Ж.Э. Ренана, Канта, Гегеля, Бюхнера, Фейербаха и Герцена, которых он прочел впервые. В Киеве Лесков от-

крыл для себя и украинских авторов — Тараса Шевченко (позже Лесков лично познакомится с ним в Петербурге), Костомарова, Кулиша, Квитко-Основьяненко, Котляревского с его «Энеидой». Выучил украинский и польский. Никогда потом Лесков не учился так интенсивно; конечно, бессистемно, зато много и жадно. Лесков не только сидел над книгами и вел разговоры, в те же киевские годы он посещал и университетские лекции — по криминалистике, истории, российской словесности. В Киеве Лесков познакомился с экономистом-социологом Дмитрием Петровичем Журавским, горячим сторонником отмены крепостного права. Все свои сбережения Журавский тратил на освобождение крестьян и выкупил десятки крепостных. Его письма, посвященные крестьянской реформе, Лесков издал отдельной книгой, а самого Журавского несколько раз помянул в «Захудалом роде», «Фигуре» и других рассказах, именуя его «превосходнейшим из людей».

Киев обрушился на девятнадцатилетнего Лескова не только новыми яркими знакомствами, встречами, но и красотой росписей Софийского собора, Киево-Печерской Лавры, чудесными видами. Здесь ожила и нашла себе пищу артистическая часть его души, прежде словно бы дремавшая, здесь он заинтересовался реставрацией и иконописью, здесь, глядя на пеструю толпу паломников, собиравшихся в Киев со всей России, узнавал в лицо «Русь святую».

А еще в Киеве Лесков неожиданно для всех женился. Почти юношей, 22 лет от роду. Избранницей его стала Ольга Васильева Смирнова, дочь состоятельного киевского домовладельца. Брак оказался неудачен, и через девять мучительных лет, в 1862 году, наступил разрыв. От союза осталась дочь Вера Николаевна (первенец, сын Дмитрий, умер в возрасте трех лет).

Через несколько лет все в том же Киеве Лесков соединил свою жизнь с Екатериной Бубновой и долгие годы состоял с ней в гражданском браке (1865–1877), в котором родился сын Андрей, будущий биограф Лескова и прилежный собиратель материалов, связанных с отцом.

Словом, Киев многое определил и в творческой и в личной судьбе Лескова. Со временем украинская тема стала звучать в его произведениях постоянно. Но пожалуй, самый полный портрет Киева и его колоритных обитателей Лесков дал в «Печерских антиках», написанных уже в зрелые годы, по воспоминаниям юнос-

ти. Пока же Лесков по-прежнему не помышлял о писательстве. Сразу по приезде в Киев он определился на службу, на этот раз — в Киевскую казенную палату, поэтому и учиться, и читать приходилось урывками, в свободное от основных обязанностей время. По долгу службы Лесков принимал участие в организации рекрутских наборов и посещал провинциальные рекрутские присутствия. Там творилось то же, что и по всей России. Обманы, подкупы, незаконная сдача в рекруты тех, кому не хватает средств для взятки, побег рекрутов и жестокие наказания беглецов кнутом и розгами, потоки бесполезных родительских слез — Лесков очерпнул немало болезненных и мрачных впечатлений.

В 1857 году Лесков ушел из присутствия и стал агентом у Александра Шкотта. Англичанин и коммерсант Шкотт был мужем лесковской тетки по матери, Александры Петровны Алферьевой. Николай Семенович поселился в селе Райское под Пензой, где располагалась штаб-квартира компании. Частная служба в компании «Шкотт и Вилькенс» подарила Лескову особенно много бесценных впечатлений. На несколько лет он превратился в настоящего странника — в качестве представителя компании постоянно разъезжал по Поволжью, где познакомился с волжскими башкирами и татарами, посвятившими его в тонкости конного дела (вот откуда это взялось в «Очарованном страннике»), регулярно бывал в Макарьеве на знаменитой ярмарке, ездил и в Москву. Он ночевал на постоялых дворах, коротал часы на станциях — все это за бесконечными разговорами случайных попутчиков, которые делились друг с другом десятками житейских историй. Конечно, Лесков не только слушал — он и сам наблюдал много забавного и горького, бывал свидетелем и участником самых разных дорожных приключений — словом, увидел «с возка и барки» всю Русь. Позднее, когда Лескова спрашивали, откуда он берет столь богатый материал для своих произведений, писатель показывал на лоб и говорил: «Вот из этого сундука. Здесь хранятся впечатления шести-семи лет моей коммерческой службы, когда мне приходилось по делам странствовать по России; это самое лучшее время моей жизни, когда я много видел».

Путевые наблюдения в конце концов и вынесли Лескова на литературную дорогу. Впечатлениями от поездок Лесков делился в письмах к Шкотту, и, по-видимому, послания его были настоль-

ко занимательны, что Шкотт давал их почитать знакомым. Особенно заинтересовался этими письмами сосед Шкотта по имени, помещик Федор Иванович Селиванов. Селиванов, по воспоминаниям Лескова, «стал их спрашивать, читать и находил их “достойными печати”». Вполне возможно, что одобрение Селиванова лишний раз подтолкнуло Лескова к литературным занятиям. Как бы то ни было, с 1860 года Лесков начал регулярно выступать в печати. В петербургском еженедельнике «Указатель экономический, политический и промышленный» и киевской газете «Современная медицина» были напечатаны его первые заметки: «Корреспонденция» о продаже в Киеве Евангелия, «Несколько слов о врачах рекрутских присутствий», «Полицейские врачи в России», «О рабочем классе», «Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России». А в апреле 1861 года в «Отечественных записках» была опубликована первая его большая статья «Очерки винокурной промышленности».

И в 1861 году Лесков переехал в Петербург, в надежде исключительно на литературные заработки. Здесь он познакомился с Аполлоном Григорьевым, Мельниковым-Печерским, Тарасом Шевченко, а затем, во время летней поездки в Москву с Тургеневым, писателями-народниками Василием Слепцовым и Александром Левитовым. Материалы молодого одаренного автора, обладающего резким пером, жизненным опытом и знанием «углов» (а это в начале 1860-х ценилось высоко) печатали с большой охотой. Лесков сотрудничал с московским журналом беллетристики Евгении Тур «Русская речь», с петербургскими «Отечественными записками», журналом Федора и Михаила Достоевских «Время», высказываясь по самым разным злободневным вопросам. Он писал и о гражданских браках, и о женской эмансипации, взятках, тюрьмах, переселении крестьян, борьбе с пьянством... Суть взглядов Лескова той поры очень точно сформулирована Леонидом Гроссманом: «легальный либерализм». И действительно, ужасаясь несправедливостям и неправдам русской жизни, Лесков настаивал на реформах, но никогда не был сторонником революционного переворота.

С 1862 года началось его постоянное сотрудничество с «Северной пчелой», умеренно либеральной и в целом проправительственной газетой. Именно в «Северной пчеле» была опубликова-